

Ю. А. Русина¹
Екатеринбург

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРАКТИКИ УРАЛЬСКИХ СТУДЕНТОВ ПОКОЛЕНИЯ 1940-х ГОДОВ²

Одна из главных задач статьи – вовлечение в научную практику документов литературного самиздата 1940-х гг., имевших хождение в студенческой среде послевоенного Свердловска. Особый интерес среди них представляют рукописные поэтические сборники студентов-филологов и журналистов Уральского госуниверситета им. А. М. Горького, а также копии изданий поэтов Серебряного века. Создание и распространение подобной литературы рассматривается как одно из проявлений феномена самиздата, связанное с послевоенным духовным подъемом в советском обществе. Авторами и распространителями неподцензурных художественных произведений были, удостоившиеся внимания органов госбезопасности, талантливые молодые люди, нашедшие впоследствии свое место в жизни и литературе, Юрий Абызов и Виктор Рутминский.

Ключевые слова: Уральский государственный университет, поэтический самиздат, Ю. Абызов, В. Рутминский, духовный подъем 1940-х гг.

Yu. A. Rusina
Yekaterinburg

LITERARY PRACTICES OF THE URAL STUDENTS OF THE GENERATION OF THE 1940s

One of the main tasks of the article is to involve in scientific practice the documents of the literary samizdat of the 1940s, which were circulating among the students of the post-war Sverdlovsk. Of particular interest among them are handwritten collections of poetry by philology students and journalists of the Ural State University named after V. AM Gorky, as well as copies of the publications of the poets of the Silver Age. The creation and distribution of such literature is seen as one of the manifestations of the samizdat phenomenon associated with the post-war spiritual upsurge in Soviet society. The authors and distributors of uncensored works of art were talented young people who later found their place in life and literature, Yuri Abyzov and Viktor Rutminsky, who received the attention of the state security authorities.

Keywords: Ural State University, poetic samizdat, Yu. Abyzov, V. Rutminsky, spiritual upsurge of the 1940s.

На страницах «Памятных записок» Давида Самойлова, относящихся к событиям конца 1950-х гг., встречаем такие строки: «Тогда же

---

¹ **Русина Юлия Анатольевна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, УГИ, УрФУ, Екатеринбург, РФ. E-mail: iulia.rusina@urfu.ru

² Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 19-512-23003 «Самосознание и диалог поколений в русской и венгерской литературной практике XX–XXI веков».

познакомились мы и с Юрием Ивановичем Абызовым, глубоким знатоком Латвии и Риги, продолжателем традиций рижской русской культуры, переводчиком, писателем и ученым. С ним мы оба быстро сошлись. Несмотря на серьезность своих занятий, Абызов был в те годы человеком веселым и любящим общество»³. Новый знакомый поэта – человек его поколения, уроженец Свердловской области, также ушедший на фронт Великой Отечественной с университетской скамьи. С Уральским государственным университетом (УрГУ) в биографии Юрия Абызова⁴ связано несколько лет: он поступил на филологическое отделение в 1940 г., вернулся на учебу после ранения в 1943, а в 1946, навсегда покидая Свердловск, перевелся в Латвийский университет, который и закончил в 1949 г. Однако этот сравнительно небольшой промежуток времени наполнен знаменательными, интересными, а порой и драматическими событиями в жизни молодого человека, несомненно, оказавшими влияние на его личностное становление.

Первому послевоенному поколению студенчества уральского вуза Абызов был известен переводами с польского и английского языков и собственными поэтическими опытами, опубликованными в рубрике «Литературные странички» университетской многотиражки «Сталинец»⁵, а также дружбой с однокашником Виктором Рутминским, осужденным в 1947 г. «за клеветнические стихи» по статье 58.10 «Анти-советская агитация и пропаганда» и посвятившим всю дальнейшую жизнь изучению поэзии Серебряного века⁶. Имя Юрия Абызова, как участника «нелегального литературного кружка под названием

³ Самойлов Д. Памятные записки. М.: Междунар. отношения, 1995. С. 327.

⁴ Юрий Иванович Абызов (1921–2006), член Союза писателей СССР, в постсоветские годы – создатель и председатель Латвийского общества русской культуры. См. о нём: Русина Ю. А. Рифмы жизни. История студенческого литературного кружка УрГУ (середина 1940-х гг.) // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер 2, Гуманитар. науки. 2011. № 4 (96). С. 269-285; Она же. Между покаянием и исповедальностью: литературное творчество студентов в последнее сталинское десятилетие // Изв. Урал. фед. ун-та. Сер 2, Гуманитар. науки. 2014. № 1 (124). С. 149-163; Она же. «Изобретатели» против «Рыцарей круглого стола»: отработка на местном уровне Постановления оргбюро ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» // Власть слова и слово власти. Доклады участников круглого стола. СПб: Фонд им. Д. С. Лихачева. Журнал «Звезда», 2016. С. 47–57.

⁵ Тувим Ю. Лодзь. Перевод Ю. Абызова // Сталинец. Уральский государственный университет им. А. М. Горького. 1945. 7 ноября; Сервис Р. Мой паренек. Перевел с английского Ю. Абызов // Там же. 1946. 29 июня; Ю. А. Четвертая комната // Там же. 1944. 24 ноября.

⁶ Рутминский В. С. Русские поэты. XX век: Серебряный век. Постсеребряный век. Екатеринбург: Изд-во «КнигоМир», 2011. 488 с.

«Рыцари круглого стола» и распространителя среди учащихся стихов «враждебных советской поэзии поэтов Гумилева, Гиппиус, Ахматовой, Мандельштама и др.», отмечено в докладной записке Свердловского областного управления госбезопасности, датированной августом 1947 г.⁷

В документе, раскрывающем «результаты проведения активных агентурно-оперативных мероприятий», неоднократно упоминаются и «рукописные поэтические сборники», ходившие среди студентов, содержащие «пошлые, упаднические, пессимистические» произведения студентов-филологов и журналистов, «участников нелегальных организаций, плохо изучивших последние постановления ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства». Многие из обнаруженного литературного студенческого самиздата было изъято во время обысков у членов вполне официально существовавшего университетского литературно-творческого кружка. Однако отъезд Юрия Абызова из Свердловска в связи с переводом в Рижский университет накануне завершения местными органами МГБ агентурного дела «Изобретатели» позволил ему сохранить довольно интересную коллекцию рукописных материалов, позволяющих познакомиться с литературными практиками послевоенного поколения студенчества.

В настоящее время этот студенческий литературный самиздат 1940-х гг. хранится в фонде Юрия Ивановича Абызова в городе Бремене (Германия) в Историческом архиве Исследовательского центра Восточной Европы (Forschungsstelle Osteuropa)⁸. Основанный в 1982 г. Центр одной из своих задач определил изучение неофициальной культуры СССР и стран Восточной Европы. В целях ее решения архив Центра, особенно активно и плодотворно в последние десятилетия, занимается выявлением, сбором и хранением документальных материалов, определяемых понятием «самиздат».

Обратившись к источниковому потенциалу самиздата в 1990-е гг., отечественные исследователи пришли к определенным выводам в разработке его дефиниции и смысловой трактовке данного феномена.

⁷ Докладная записка и.о. начальника Управления Министерства государственной безопасности Свердловской области полковника Милицына начальнику 5-го Управления Министерства государственной безопасности СССР генерал-лейтенанту Дроздецкому «О фактах идейно-политического и морального разложения среди части преподавательского состава и студентов Уральского государственного университета им. Горького» // Фонды Музея истории УрГУ.

⁸ Исследовательский центр Восточной Европы при Бременском университете: [сайт]. URL: https://www.forschungsstelle.uni-bremen.de/ru/2/20110606110855/%25D0%259E_%25D0%25B D% 25D0%25B0%25D1%2581.html (дата обращения: 13.09.2020).

В связи с чем термин «самиздат» наполнен сегодня самым разным значением в контексте того или иного гуманитарного исследовательского поля: феномен диссидентской культуры; альтернативное информационное пространство; ответ на дефицит информации; способ бытования неподцензурных текстов; советская культурная практика; форма инакомыслия; метод борьбы с режимом и т.д.

При этом автором современного термина «самиздат» принято считать московского поэта, изобретателя «небывализмов» в поэзии, Николая Глазкова (1919–1979), чьи стихи и прозаические миниатюры не принимались официальными издательствами. В 1944 г. он начал выпускать самодельные книжки, вначале рукописные, а позже напечатанные на машинке, подписанные «самсебяздат» по аналогии с «госиздатом». По мнению Л. М. Алексеевой⁹, одного из самых авторитетных знатоков самиздата, причастной к его изготовлению и распространению в 1960-е – 1970-е гг., советский самиздат начинался со стихов А. Ахматовой, М. Цветаевой, М. Волошина, Н. Гумилева, которые читались в Москве на «сходках под открытым небом» у памятника Владимиру Маяковскому в конце 1950-х гг.¹⁰ Сегодня представителями различных гуманитарных дисциплин изучаются конкретные массивы, коллекции, разновидности самиздата и многообразные аспекты этого явления в определенном социальном и культурологическом дискурсе¹¹.

Если же говорить о неподцензурных художественных текстах в более широком смысле, то они существовали во все времена в условиях какого бы то ни было ограничения творчества со стороны государства, церкви или традиций. Возвращаясь к изучаемому периоду, не будет преувеличением сказать, что благодатной почвой для взращивания самодельных изданий различного толка, несомненно, являлся молодежный социум и студенчество, как наиболее интел-

---

⁹ Алексеева Людмила Михайловна (1927–2018) – участница диссидентского движения в СССР, в 1976 г. одна из основателей, а с 1996 г. – председатель Московской Хельсинской группы.

¹⁰ Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вильнюс; М.: «Весть», 1992. С. 196.

¹¹ См., например: История ленинградской неподцензурной литературы: 1950-е – 1980-е годы: сб. статей / [Сост.: Б. И. Иванов, Б. А. Рогинский]. СПб.: Деан, 2000. 175 с.; Савенко Е. Н. На пути к свободе слова: Очерки истории самиздата Сибири. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2008. 199 с.; Русина Ю. А. Самиздат в СССР: тексты и судьбы. СПб.: Алетейя; Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. 204 с.; Серебрякова Е. Г. От «шестидесятничества» к диссидентству: специфика советской неконформистской идентичности. Воронеж: Кварта, 2018. 458 с. и др.

лектуально развитая его часть. Рукописные литературные журналы и альманахи появлялись в середине 1940-х гг. на волне духовного подъема в разных уголках нашей страны: от Кубани до Сибири¹². Расцвет самиздата в советском обществе, который обычно связывают с нарастанием инакомыслия после XX съезда партии во второй половине 1950-х гг., также начинался с активности молодежи в деле создания неподцензурных поэтических журналов и альманахов¹³.

Литературные журналы, хранящиеся в Бременском архиве, в фонде Ю. И. Абызова¹⁴, можно условно разделить на три коллекции в соответствии с их авторством и содержанием. Во-первых, это рукописные копии сборников известных поэтов Серебряного века, изданные в 1910-е – 1930-е гг. Во-вторых, студенческий литературный самиздат, подвергнутый критике в упомянутой выше докладной записке сотрудников госбезопасности, авторами которого являлись студенты-филологи и журналисты Уральского госуниверситета. Третья группа – машинописные копии поэтических самиздатских сборников Николая Глазкова со стихами 1930-х–1940-х гг., но принадлежащих более позднему самиздату (1970-е гг.) и поэтому находящихся за хронологическими рамками данного исследования. В то же время нельзя не отметить несомненную историческую значимость этих материалов. Так, например, на обороте титула книжки-самodelки «Полное собрание стихотворений. Книга первая» (Москва – 1953 – Самсебяиздат.) обнаружен автограф Глазкова. Это – известная сегодня многим историкам самиздата цитата из стихотворения 1944 г.: «Я на мирзираю из-под столика. / Век XX–ый, век необычайный. / Чем столетье интересней для историка, / Тем для современника печальней!»¹⁵.

Среди документов первой группы обращают на себя внимание копии поэтических сборников А. Ахматовой («Подорожник»

¹² См., например, Еремеева А. Н. Исторический факультет КГПИ в послевоенные годы // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2011. № 1–4. С. 51–60; Савенко Е. Н. «Сороковые роковые»: Из истории молодежной фронды в сибирской провинции // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 1: История. С. 216–221.

¹³ Поликровская Л. Мы предчувствие...предтеча. Площадь Маяковского, 1958–1965. М.: «Звенья», 1997. 398 с.; Сокращенная стенограмма заседания Круглого стола (3 марта 2014 г.) «Что такое самиздат?» // Acta samizdatica / Записки о самиздате: альманах. Выпуск второй. М.: ГПИБ России; Международный Мемориал. 2015. С. 10 – 39; Путеводитель по выставке «От цензуры и самиздата к свободе печати. 1917–1990» // Acta samizdatica / Записки о самиздате: альманах. Выпуск третий. М.: ГПИБ России; Международный Мемориал. 2016. С. 221–239.

¹⁴ Forschungsstelle Osteuropa (FSO). F.117/2.

¹⁵ Там же.

(Петроград, 1921), «Белая стая» (Петербург, 1922)); М. Цветаевой («Из двух книг» (Книгоиздательство Оле-Лукойе, 1913)). А также известное коллективное эмигрантское издание Берлинского кружка поэтов (Раиса Блох, Николай Белоцветов, Георгий Раевский, София Прегель и др.) «Невод. Третий сборник Берлинских поэтов» (Книгоиздательство «Слово». Берлин. Тысяча девятьсот тридцать третий год)¹⁶. Со скрупулезной точностью в копиях передано оформление книг (обложки, титульного листа), аккуратно, фиолетовыми чернилами переписаны все входящие в сборники стихи. Размер книжек, а все они малого формата, также точно соответствует оригиналу. Можно предположить, что именно таким образом и распространяли среди студентов «рыцари круглого стола», о которых говорится в записке офицера МГБ, стихи запрещенных поэтов в послевоенном Свердловске.

Весь обнаруженный в Бременском архиве поэтический студенческий самиздат выходил в изобретенном студентами (памятуя о деле «Изобретателей») «Издательстве “Стилос”»¹⁷. Из коллекции рукописных сборников, отражающих литературное творчество уральских студентов середины 1940-х гг., хотелось бы остановиться на четырех авторах, студентах филологического отделения и факультета журналистики УрГУ: Вяткине, Первушиной, Абызове и Рутминском.

Одна из самиздатских книжек – Вяткин «Избранное», Издательство «Стилос», 1946 г. – открывается стихотворением «Гильотина любви»: <...> На меня ты сердиться не смей / Пусть замрут на губах все вопросы / Посылаю на память в письме / Легкий пепел своей папиросы. <...> 1942 г.¹⁸

Поэтическим произведениям студента факультета журналистики Анатолия Вяткина, хорошо знакомым университетской публике, читающей вузовскую газету «Сталинец» и альманах студенческого литературного кружка «Наше творчество», был свойственен лиризм. Внимание к творчеству молодого поэта отмечалось и со стороны старших товарищей, подвергавших его критике за «излишнее эстетство». Так, в статье преподавателя кафедры журналистики, известного уральского литературного критика тех лет и члена Свердловской областной организации Союза советских писателей Константина Боголюбова, разбирающей студенческие работы, опубликованные во втором выпуске «Нашего творчества» (1947 г.), о светлых весенних стихах Анатолия Вяткина со ссылкой на авторитет Н. Добролюбова

¹⁶ Первые два сборника: «Новоселье» (1931) и «Роща» (1932).

¹⁷ FSO. F.117/2.

¹⁸ Там же.

говорится, что писать о цветочках может всякий, гораздо важнее обращать внимание на явления общественной жизни, «насуточные студенческие дела»¹⁹.

Речь шла о поэтических работах Вяткина, которые мы встречаем и на страницах сборника «Избранное». «Весна»: Еще вчера мели метели, / Срывая желтые афиши, – / Сегодня сетку из капели / Весна развесила по крышам <...>. И «Девушка»: <...> Не сводит с солнца глаз – упрямая, / И свет упрямей бьет в лицо. / Упала варежка к ногам ее, / И распахнулось пальтецо <...>. В то же время лирика Вяткина удостоилась единодушной похвалы членов университетского литературного кружка, собравшего в послевоенном вузе будущий цвет уральской литературы и журналистики (Вадим Очеретин, Лев Румянцев, Иосиф Лебензон, Стефан Захаров и др.): «Стихи с душой написаны..., лучшие из помещенных в альманахе..., очень жизненные..., пахнет Щипачевым...». А незаурядный Виктор Рутминский высказался в свойственной ему значительной и сложной манере: «Совершенно необоснованный выпад против пейзажной лирики ... Стихи проникнуты жизнерадостным, ренессансным мировоззрением»²⁰.

Обращает на себя внимание сборник «Молчание» Лидии Первушиной. На его обложке – рисунок, видимо, призванный создать соответствующее настроение, изображающий контур египетской пирамиды и Сфинкса. Книжка открывается стихотворением «Городское весеннее»: Заткнув луну/ папиросой зажженной/ Черному небу / в угол рта, /Попыхивая туманами / в воздух сонный/ По городу март гулял до утра <...>²¹

Примечательно, что молодежь 1940-х гг. была увлечена поэзией Владимира Маяковского. Его рубленая интонация слышится во многих первых поэтических опытах, угадывается в ступенчатых стихотворных строках. Листая дальше поэтический сборник Первушиной, встречаем строки Маяковского и Пастернака в эпитафиях к стихотворениям. Напоминает о безвременно ушедшем поэте и её любовная лирика: <...> Ушел / (Знать было / нельзя иначе) / Стал уличный мир/ вещевой заброшен. / И вот ей так горько / и она плачет,/ Потому что / он был хороший²².

¹⁹ Боголюбов К. В. Первые шаги //Сталинец. Уральский государственный университет им. А. М. Горького. 1947. 28 марта.

²⁰ Тетради для протоколов заседаний литературно-творческого кружка УрГУ. 1 апреля 1947 г. – 22 ноября 1947 г.//Фонды Музея истории УрГУ.

²¹ FSO. F.117/2.

²² Там же.

Собиратель коллекции Юрий Абызов также не избежал влияния поэта-новатора. Одно из его стихотворений «Четвертая комната», рисующего университетскую канцелярию 1944 г., отчетливо демонстрирует влияние на молодого поэта стилистики Маяковского. Войдешь, – / и сейчас же, / у самого входа, / Забудешь, / каким / занесло сюда ветром. / Как ухитрится / столько / народа / Втиснуться / в десять / квадратных метров? <...>²³

Обнаружен в коллекции Абызова сборник стихотворений Виктора Рутминского «Избранное» (Издательство «Стилос», 1944. Редактор Ю. А. [Юрий Абызов]. Тираж 1 экз.). Обложка оформлена в далекие 1940-е самим хозяином собрания документов²⁴. Ценность сборника заключается в том, что он практически повторяет содержание рукописной книжки, изъятой у В. Рутминского при аресте в 1947 г. и хранящейся в его архивно-следственном деле²⁵. Несколько стихотворений из этого самодеятельного издания – «Ответ К. Симонову на его “Жди меня”», «Песня студента», «Квинтэссенция пессимизма», «Погром в Берлине» – следствие оценило как клевету «на советскую мораль и советскую женщину, ... на советскую армию ... и будущность советского общества», осудив студента УрГУ на 6 лет лагерей за «антисоветскую пропаганду и агитацию»²⁶.

Трудно отрицать, что первые поэтические опыты будущего знатока поэзии Серебряного века были полны юношеского эпатажа: «Брось! Она не будет ждать!» («Ответ К. Симонову»). Или из «Квинтэссенции пессимизма»: <...> Простодушные вопли нынче вышли из моды / Сверхпрактичной до точки стала вся молодежь. / Пяткой песне на горло! Пой халтурные оды! / За бездушность и глупость ты деньги зашибешь. <...>

В то же время Рутминского отличала широкая литературная эрудиция, любовь к экспериментам в области поэтического стиля. Об этом свидетельствует, например, «Весна хулигана (подражание Есенину)»: <...> Вчера – я хотел повеситься, / Сегодня же – весел до дьявола. / Хочу, чтобы лодка месяца / Всегда надо мною плавала! <...>

Близка была будущему литературоведу стилистика символизма, недопустимая на почве соцреализма. Так, в стихотворении со сложным названием «Принцип примитивного имажинизма» молодой

---

²³ Ю. А. Четвертая комната // Сталинец. Уральский государственный университет им. А. М. Горького. 1944. 24 ноября.

²⁴ FSO. F.117/2.

²⁵ Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф. Р.1. Оп. 2. Д. 23024.

²⁶ ГААОСО. Ф. Р.1. Оп. 2. Д. 23024. Л.139.

поэт-экспериментатор восклицает: <...> Солнце! Красивое и блистательное, / Вновь засияет, разветвляя / Ночь, пасмурную, как начертательная / Геометрия! <...>

А в работе «Творчество» юноша Рутминский высказал свое мировоззренческое кредо и исследовательские пристрастия, пронесенные через годы его довольно долгой жизни, наполненной поисками путей применения подаренных ему природой талантов: <...> Пусть твердят вам с кислой миной почитатели традиций: / «Словотворчество в грядущем применения не найдет!» / Только тот мыслитель смелый, кто ломает все границы, / Только тот поэт великий, кто бросается вперед.» <...>

Увлечение поэзией Серебряного века и поиск ранних изданий запрещенных поэтов, подражание Маяковскому, интерес к стихотворным формам и стилистике символизма и авангарда, общение поэтическим слогом, открытость новым темам в своих первых литературных опытах – черты, которые видятся в послевоенном поколении студентов и их литературных практиках. Кто-то из них, едва переступив порог совершеннолетия, прошел фронт, кто-то вырос в тылу, но большинству была свойственна внутренняя свобода и широкий творческий поиск, стремление к искреннему самовыражению, невзирая на партийные постановления о литературе.

Библиография

1. Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вильнюс; М.: «Весть», 1992.
2. Еремеева А. Н. Исторический факультет КГПИ в послевоенные годы //Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2011. № 1–4. С. 51– 60
3. Поликовская Л. Мы предчувствие...предтеча. Площадь Маяковского, 1958–1965. М.: «Звенья», 1997. 398 с.
4. Русина Ю. А. «Изобретатели» против «Рыцарей круглого стола»: отработка на местном уровне Постановления оргбюро ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» //Власть слова и слово власти. Доклады участников круглого стола. СПб: Фонд им. Д. С. Лихачева. Журнал «Звезда», 2016. С. 47–57.
5. Русина Ю. А. Между покаянием и исповедальностью: литературное творчество студентов в последнее сталинское десятилетие //Изв. Урал. фед. ун-та. Сер 2, Гуманитар. науки. 2014. № 1 (124). С. 149-163.
6. Русина Ю. А. Рифмы жизни. История студенческого литературного кружка УрГУ (середина 1940-х гг.) //Изв. Урал. гос. ун-та. Сер 2, Гуманитар. науки. 2011. № 4 (96). С. 269-285.
7. Русина Ю. А. Самиздат в СССР: тексты и судьбы. СПб.: Алетейя; Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. 204 с.

8. *Савенко Е. Н.* «Сороковые роковые»: Из истории молодежной фронды в сибирской провинции // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 1: История. С. 216–221.

9. *Савенко Е. Н.* На пути к свободе слова: Очерки истории самиздата Сибири. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2008. 199 с.

10. *Серебрякова Е. Г.* От «шестидесятничества» к диссидентству: специфика советской неконформистской идентичности. Воронеж: Кварта, 2018. 458 с.